

**Все герои и события
в романе вымышлены.
Любое сходство
является совпадением.**

Автор

ГЛАВА 1

Они проехали молча сто пятнадцать километров. Он специально засекал: сколько они не будут разговаривать после того, как дело было сделано. Получилось сто пятнадцать километров. Если учесть, что машину Денис вел с крейсерской скоростью, то это час и десять минут. Лезть в карман за телефоном и сверять время было лень. Он засекал по спидометру и указателям, заглядывающим с обочин в окна их автомобиля. Но был уверен, что не ошибся. Он привык считать время. До секунды. Он за это отвечал.

Сто пятнадцать километров относительного спокойствия и тишины. Он даже посмел по мечтать, что удастся выспаться до того, как они вернутся в город. Не тут-то было! Через десять километров Валера откашлялся и заговорил:

— Ты не представляешь, как я ее люблю! Это такое чувство! Такое... Когда она спит, я дышать боюсь. Когда она улыбается, у меня все внутри сжимается, как перед прыжком с обрыва!

Голос Валеры странно сел, будто он неожиданно-негаданно чем-то подавился. Может, как раз этим признанием? Хотел произвести на них

впечатление? Но фальшь же, стопроцентная фальшь.

Трогательного они ничего в этом признании не услышали. И искреннего тоже. Хватит! Проходили! И подобные слова от Валеры слышали сотню раз за минувшие два года. А завтра как раз годовщина их с Лизой отношений. И по слухам, Лиза уже несколько раз собирала чемоданы, чтобы от Валеры съехать. А он, блин, тут перед ними выделывается. Словами любви давится.

— Если любишь так, что мы не представляем, зачем ты ее бьешь? — задал резонный вопрос Денис. — Нелогично как-то, брат.

— Я ее не бью! — взвился Валера и неожиданно стукнул кулаком по панели автомобиля. — Я ее не бью, я ее воспитываю!

— Эй, Макаренко, ты полегче, — фыркнул Денис, сидевший за рулем. — Это не твоя машина. Ты мне еще панель разнеси тут в ключья!

Он помолчал и добавил с презрительной интонацией:

— Из-за какой-то бабы.

— Она не какая-то баба, понял! — Валера повернул к нему бледное лицо и процедил сквозь зубы: — Она — моя Лиза. И я за нее...

Денис нервно улыбнулся в зеркало заднего вида третьему члену их команды, дремавшему на заднем сиденье, или только делавшему вид — время от времени он тихонько фыркал. Это когда Валера особенно зарывался.

— Слыхал, Серый? — Денис понял, что Сергей не спит. — Он из-за нее... А мы тогда, по-

лучается, из-за кого? Лерыч, ты ничего не путал?

— В смысле? — Валера глянул на него исподлобья. — Говори яснее. Чего ты как долбаный философ мысль между зубами катаешь! Я ничего не понял, Дэн.

— А чего тут не понять, Валера. — Денис сделался серьезным и хмурым. — То, что мы делаем, брат, только для себя и для нашего общего дела. А все сопли из-за бабы — это только твои сопли.

— Согласен, — кивнул Валера, по привычке странно склонив голову набок и поджав плечи.

— Я еще не все сказал, брат. — Голос Дениса стал жестче.

Пассажир на заднем сиденье обеспокоенно заворочался. Ему был знаком этот тон. За словами, сказанными именно таким голосом, могло последовать все что угодно. Даже ствол из-под ремня мог появиться и упереться дулом Валерке в лоб.

— Твои разборки с Лизой не должны нам мешать, брат, — медленно проговорил Денис, тщательно выговаривая каждую букву, словно разговаривал с дебилом. — Мы не должны оглядываться на твои отношения с бабой, Лерыч!

— А на них не надо оглядываться. Это как бы моя тема. Моя женщина.

— Твоя женщина неделю назад в ногтевом салоне хвасталась подружке, что ты ей машину собираешься подарить. Собираешься, брат? — Денис прибавил скорости, кивнув на указа-

тель. — Заправка через пять километров. Надо залиться. Так что, Валера, ты хочешь подарить Лизке машину? Она не соврала своей тупой подружке?

— Почему тупая-то сразу? Верка нормальная телка. Даже чуть по понятиям. У нее брат с зоны не выходит. Она нормальная. Не трепло.

— Зато твоя Лиза голосила на весь салон: Валера ей то купил, Валера ей сё купил. Даже одна из маникюрш не выдержала и спросила... Как думаешь, что она спросила, брат?

— Не знаю. — Валера отвернулся к окну, за которым пробежали голые деревья, утопающие в снегу по нижний ярус веток.

— А я тебе скажу, брат, — опасно повеселел Денис. — Она спросила: сколько ты зарабатываешь и чем занимаешься? Резонный вопрос, брат? Да! Особенно когда твоя телка орет на весь салон, что ты ей машину собрался подарить. Заметь, ко всем уже имеющимся многочисленным подаркам.

В машине снова сделалось тихо. Ничто не нарушало тишины четыре с половиной километра. Он снова засек. Потом Валера виновато выговорил:

— Согласен, гадко. Чё, побеседую. Воспитываешь ее, воспитываешь... Вот дура. Несет пургу.

Он протянул ладонь лодочкой Денису и извинился вполголоса. Денис руку пожал.

— Не смертельно, да, — произнес он, включая поворотники и съезжая с трассы на заправку. — Но есть над чем задуматься.

— Согласен, — тихо повторил Валера. — Буду иметь беседу. И машину она теперь точно не получит.

Денис довольно улыбнулся, подъехал к крайней колонке, заглушил мотор и полез из машины.

— Никому ничего не взять? — сунул он голову в машину, успев зарядить заправочный пистолет в бензобак. — Может, кофе или пожрать чё?

Сергей с хрустом потянулся, протяжно зевнул.

— Да сами выйдем. Разомнемся. Посетим клозет. Потом по сосиске втреплем и кофейком запьем, — протянул он с ухмылкой и завозился, принявшись застегивать молнию на длинной куртке. — Давай,правляйся.

Они встряли на этой заправке. Точно встряли. Сначала горячее принялись вдруг сливать и объявили технический перерыв на пятнадцать минут. А их машину уже подперли и спереди и сзади — не выехать. Они по очереди сходили в туалет. Купили по большому стакану кофе и хот-догу. Валерка без конца выходил из машины и звонил по мобильному.

— Лизке небось своей названивает, — сделал предположение Денис, допивая последние капли кофе.

— С чего вдруг? Поздно. Спит уже. — Сергей все же глянул на мобильник, который показывал половину третьего ночи. — В это время точно спит.

— А чего тогда у него рожа такая довольная? — Денис скривил рот в ухмылке. — Только Лизка способна так его осчастливить. И не только его, не так ли, Серега?

— Да иди ты, — беззлобно отозвался он на ядовитый смех друга. — Когда это было? И то пару раз.

— И когда еще и сколько будет! Лизка же — шлюха конченная. — Денис уже ржал в полный голос, рассматривая согнувшегося на ветру Валерку. — Хорошо Лерыч не в курсе, иначе у нее синяков бы прибавилось. А ты ее тоже колотил, Серый?

Ответить он не успел. Валера вернулся в машину.

— Холодина собачий. Вот встряли, а! — Он покрутил головой, рассматривая длинные очереди из машин к каждой колонке. — Потом еще в кассу стоять час. Никак не вылезешь, Дэн?

Денис выбрался наружу. Оценил просветы между машинами, которые его подперли с трех сторон, и отрицательно замотал головой.

— Бесполезно метаться. И смысл? До следующей заправки можем не дотянуть.

— А ты заправку тоже выбрал, — проворчал Валера. — Клозет, как Серый скажет, и тот отстой.

— Зато видеочамера всего одна и на кассиршу направлена, — произнес Денис тихо и приложил палец к губам. — Тс-сс... Нам же надо так, братва? Нам же не надо, чтобы наши фото потом с видеозаписей распечатывали. А возле кассирши просто отвернусь, и все.

— А эти две? Не видел, что ли? — Валера по очереди ткнул пальцами в сторону здания. — Слева и справа по одной. Под самой крышей.

— Муляжи, брат. — Денис закинул руки за подголовник и самодовольно изрек: — Я же подготовился. Заранее пробил все заправки на нашем пути. И на эту жалоб тьма, что видеорекамеры не работают. Кто-то кого-то бампером задел или фонарь разбил задний, а доказать не смогли. Муляжи. Отзывы, братва, всегда надо читать отзывы.

В салоне машины снова повисла тишина. Денис как будто даже уснул. Валере его пришлось расталкивать, когда закончился технический перерыв.

— Давай я сбегая, оплачу, — предложил он.

— Не, брат. Ты свой фейс точно засветишь. А я — нет...

Денис вернулся через десять минут, заправил машину и отъехал к углу здания.

— Я сейчас. Опять в туалет приспичило, — признался он, поглаживая живот. — Хот-дог не прижился по ходу. Вы давайте тоже все свои нужды справьте. А то потом останавливаться до дома не стану. Валер, у тебя постоянно с этим проблемы.

Угроза подействовала. Валера полез из машины.

— Только я в этот отстойный туалет не пойду, — сморщился он. — За углом проще. Очереди нет. И воздух, ну, очень свежий.

Он передернулся на ледяном ветру, глубже натянул капюшон куртки, коротко рассмеялся и исчез за углом. Денис распахнул дверь и встал в хвост очереди в туалет. Валера вернулся через

минуту. Посидел в машине минут пять, наблюдая через стекло за тем, как медленно движется Денис к заветным дверям, и когда тому оставалось только открыть дверь и войти, снова полез на улицу.

— По ходу эти сосиски в самом деле дерьмо, — поморщился он. — Тоже что-то в животе беспокойно.

Сергей проводил его взглядом и посмотрел на очередь в туалет: Денис уже исчезал за дверью. Он прикрыл глаза и принялся считать...

ГЛАВА 2

Сколько он себя помнил, его всегда жалели.

Маленьким жалели, потому что у него было слабое здоровье и он часто болел. Его баловали игрушками, фотоаппаратами, велосипедами, сладостями. И по этой причине он крайне терпеливо переносил все врачебные процедуры, когда его с матерью укладывали в стационар. Не орал, не бился головой о стены и пол, не хватался за материн подол — вешал на шею фотоаппарат, брал в руки любимого деревянного робота и шел на уколы. И болезнь со временем отступила.

Когда он подросток, его жалели за невзрачную непривлекательную внешность. Он был невысоким, худым, веснушчатым, с редкой порослью огненно-рыжих волос. Дорогая одежда, которую мать с отцом в то время таскали из-за границы через своих знакомых, висела на нем как на колу. Тонкие руки, покрытые веснушками,

в рукавах фирменных кофт и футболок смотрелись макаронинами. Девчонки фыркали, парни просили продать то, что ему не идет.

Он не обижался на первых, а вторым вежливо отказывал. И в какой-то момент решил ходить в качалку. За пару лет окреп, возмужал и из дрища превратился в спортивного парня с хорошо развитой мускулатурой и внушительными кулаками. Но последнего не требовалось. К нему никто не лез. Его жалели.

— Он же болел все детство, — подслушал он как-то треп одноклассников. — Тронь его, издохнет. В тюрьме, что ли, за него сидеть! За кого угодно, но только не за Ваньку Корнеева...

Его не трогали. К нему не лезли. И почти не дружили с ним, если не считать тех моментов, когда просили списать. А учился он, конечно же, на «отлично». Но зубрилой и ботаником его никто не обзывал. Жалели.

Чуть позже, когда он вернулся в родной город после окончания Высшей школы милиции и устроился работать, его принялись жалеть за женщину, доставшуюся ему в жены.

— Господи, никому не нужна была, а он, несчастный, позарился, — шептались соседи. — Клавка же страшная как смертный грех!

Потом его принялись жалеть за то, что Клава от него ушла.

— Ох, даже она не стала с ним жить! — полярно поменялся шепот.

На работе, куда он устроился после окончания высшего учебного заведения, жалели за те

болезни, которыми он переболел в детстве, за отсутствие друзей, за жену, которая его бросила, и не нагружали особо тяжкими преступлениями, хотя он работал именно в отделе по особо тяжким преступлениям.

Корнеев справлялся с тем, что ему поручали. Блестяще справлялся. Втайне ему хотелось чего-то более серьезного, значимого, но просить он стеснялся. И отчетности по раскрываемости на своем рабочем месте не нарушал. То есть доводил до суда все дела, которыми занимался.

Все, кроме одного...

Иван Сергеевич стукнул по столу дном кастрюли, в которой варил яйца им с Сашкой на завтрак, с сомнением глянул на блестящий пластик новенького кухонного стола и подложил под горячее дно полотенце.

Он вернулся к плите и помешал картошку в сковороде. Взял два огурца и два помидора из плетеной корзины под окном, пучок зелени из холодильника и принялся строгать салат в большую стеклянную миску. Потом туда же покромсал вареные яйца, залил все сметаной, посолил, разложил по тарелкам зажарившуюся до хрустящей корочки картошку и позвал Сашку к столу.

— Дед, доброе утро. — Сашка выскочил из ванной с зубной щеткой за щекой. — Дай мне минуту.

Внучатый племянник достался ему в наследство от покойной сестры. Та воспитывала его с рождения. Хорошо воспитывала, в строгости. Парень вышел хорошим, без современных вред-

ных привычек, но и без кучи комплексов, которыми наградило Корнеева его личное детство. Он тоже принимал участие в воспитании Сашки. Сестра часто болела и лежала в больнице, оставляя внука на него. Иван Сергеевич не роптал. Ему даже нравилось проводить с ним время. И называть себя велел дедом.

— А как еще? — удивлялся он каждый раз вопросам со стороны. — Двоюродным дедом? Дядя Ваней? Какой я ему дядя? Я ему дед...

Сестры не стало, когда Сашка служил в армии. В далеких местах — приехать у него не вышло. Корнеев сам потом к нему в часть летал.

— На пенсию я вышел, Сашка, — признался он, когда внук удивился свободному времени деда. — Все. Хватит. Я так решил. Копья ломать не в моем характере. Да и молодые на пятки наступают, подставы какие-то за спиной выдумывают. Я к такому не готов. Не могу я так. Домом бабушки твоей займусь, в порядок приведу. Будем с весны по осень с тобой там. А зимой в моей квартире. Она так хотела. Ты как думаешь? Так же? Или своя точка зрения имеется?

У Саши всегда на все имелось собственное мнение. Он был принципиальным. Но на этот раз их мнения совпали.

— Конечно, ничего продавать я не стану, — возмутился он, когда дед положил перед ним завещание сестры. — Будем то там, то там. А если я женюсь, дети пойдут — что им в городе летом делать?

— А ты что будешь делать? — пристал к нему Корнеев.

— Когда? Когда дети пойдут?

— Когда демобилизуешься. Не решил еще?

— Решил. — Он широко улыбнулся. — По твоим стопам, дед. Выучусь заочно. А пока в ППС пойду. Туда после армии набирают. Я узнавал.

— Ну, ну...

Не сказать чтобы он был недоволен выбором внука, нет. Но и восторгов особо не испытывал. Знал, что это за служба: ни тебе времени свободного, ни благодарности от населения. А если семью решится завести, что тогда? Кто выдержит быть рядом?

Даже его Клавдия, цеплявшаяся за их брак как за спасательный круг, и та не выдержала. Ушла.

Но отговаривать внука Корнеев не стал и вчера с благодарностью принял от него подарок с первой зарплаты.

— Знаю, выпивать не любишь. Поэтому купил тебе удочку. Крутая, дед. Я отзывы читал. Скоро на дачу перебираться. Теплеет с каждым днем. А там озеро. Слышал, рыбалка знатная. Будешь нам уху варить. Жаркое из карпа делать...

— В сметане? — Корнеев любовно поглаживал новенькую удочку.

— Можно и в сметане...

Саша вышел к столу уже одетым: темные брюки, черный форменный свитер. В ППС, куда он собирался, его не взяли. Предложили опера-

тивную работу, узнав, что он уже поступил заочно на первый курс.

— Дед, это и престижнее, так ведь? — радовался внук, вернувшись с собеседования.

— И опаснее, — не стал ему поддакивать Корнеев. — Понимаешь всю ответственность? Готов?

— Ты прямо как подполковник Зотов, — фыркнул тогда Сашка. — Он пафосные речи полтора часа толкал. Все больше он говорил, а я слушал.

— Зотов? Все работает? — удивился Иван Сергеевич. — И подполковник?

— Ну да. Зам по кадрам.

— Пристроился, стало быть... — недовольно проговорил Корнеев и от объяснений воздержался. — Окунешься, сам все поймешь.

Саша проработал уже полтора месяца. Пока ему все нравилось. Правда, видеться стали реже.

— Бутерброд сделать?

Корнеев искоса наблюдал, как внук ест, и болезненная нежность, всегда казавшаяся ему ненужной, лишней, затопила душу. Он любил его ребенком, потом подростком. Сильно любил — он был единственным у них с сестрой. Когда Саша вырос и превратился в юношу, а сестры не стало, к любви Корнеева добавилось кое-что еще.

Страх!

Он выедал ему душу день за днем. Стучался в затылок тупой болью. Подкрадывался бессонницей. Страх за внука изводил его так, что он

даже похудел за последний месяц. Иван Сергеевич сам себе был противен за то, что вел себя как насадка: без конца звонил Саше, уточнял, когда придет, поел ли, как самочувствие?

Сашка пока терпел: на звонки всегда отвечал, не раздражался. А что будет дальше, когда у него появится любимая девушка? Останется ли в его жизни место для деда?

— Не, бутерброд не надо. Объялся. — Внук пил чай из любимой бабушкиной кружки. — И с собой не надо, дед. Не съедаю же — некогда, — а выбрасывать жалко. Чего ты?

Саша поставил кружку на стол и взглянул на него внимательнее.

— Похудел чего-то. У тебя ничего не болит? — Голос внука зазвенел тревогой. — А то давай я тебя в ведомственную клинику свожу.

То, что внук заговорил о сброшенных им килограммах, было приятно. Заметил! Не пустое он для него место, стало быть. И тут же мысленно прикрикнул на себя: чего это распустился? Что за сопли? Его всю жизнь все жалели. Теперь внук принялся?

— Все будет хорошо, сынок. — Он и так его иногда называл. — Похудел, потому что ходить стал много. Специально, чтобы не зажиреть на вольных-то хлебах. А в клинику не пойду. Со мной все в порядке.

— Точно?

— Точно, — стойко выдержал он подозрительный взгляд внука. — Сегодня как? Опять поздно?

— Не знаю. Как правонарушители... — Внук подмигнул. — Сам же знаешь.

— Интересное что-нибудь есть? — Иван Сергеевич встал и, невзирая на запрет внука, начал сам убирать со стола. — Какие дела сейчас у вас в производстве?

— Ой, дед, скажешь тоже! — Сашка рассмеялся, встал и принялся помогать. — На рынке из-за места подрались. Нас вызвали.

— А вас зачем?

— Один из подравшихся пистолетом размахивал. Оказался детской игрушкой.

— Гм-м... — Иван Сергеевич уступил Саше место у раковины и отряхнул руки. — Знаешь, что я тебе скажу, дружок... Сейчас он игрушкой размахивает, завтра травматическим пистолетом, а послезавтра за боевой схватится. Любовь к бряцанию оружием сидит в башке. Ты себе на будущее пометку сделай и запомни его — этого парня.

— А чего мне его забывать. Он всем знаком. Это Федоров.

— А-а-а, знаю такого. — Корнеев поморщился. — Вот ведь не уймется никак. По молодости за колья все хватался. Потом битую возил в багажнике. В девяностых... Теперь вот игрушкой людей пугает. Может, не игрушка то была, сынок? Может, игрушка в кармане, а ствол под прилавок скинул? Знал я таких хитрецов. Место драки осмотрели?

— Вроде нет, — неуверенно произнес внук после паузы, закрыл кран и глянул растерянно-

но. — Драчунов в машину усадили и в отдел увезли. Протокол составили и отпустили. Квалифицировали как административное правонарушение.

— Запомни, Саша...

Иван Сергеевич взялся за чайник, налил себе полную кружку кипятка и бросил туда лимон. Чай он старался не пить: с детства не был приучен из-за болезней.

— То, что на первый взгляд кажется пустяком, может потом оказаться большой проблемой. И наоборот. Все надо проверять. Прямо там. На месте. Не проверишь, можешь потом пожалеть. А проверишь, лишишь себя сомнений.

— Понял, дед. Учту!

Саша вытер руки кухонным полотенцем, которые Иван Сергеевич менял каждый день, и пошел в прихожую. Уже оттуда крикнул:

— Пока, дед. До вечера. Позвоню...

Сашка не позвонил до пяти вечера ни разу, и Корнеев не выдержал, набрал его сам. Телефон внука неожиданно оказался вне зоны. Не то чтобы он сразу перепугался, нет. Просто испытал легкое волнение. Поначалу.

Через час он повторил попытку. То же самое: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В ту же самую минуту Корнеев запаниковал с такой силой, что перестал чувствовать левую сторону груди, где у него билось сердце. И рука, которой он пытался натянуть левый ботинок, онемела. Он выпрямился,

отдышался, но не помогло. Левая сторона тела словно перестала существовать.

— Это от волнения, это от волнения. Это не то, что я подумал...

Он подошел к зеркалу, висевшему над полочкой в прихожей, и принялся строить рожи. Лицо послушно корчилось улыбкой, горестной гримасой, морщилось удивлением. Левая рука поднималась, пальцы сжимались в кулак.

«Это от волнения».

Так и не обувшись, он в тапках дошел до соседней двери и позвонил. Дверь открылась сразу. Молодая соседка Тонечка все поняла и за рукав втащила его к себе. Усадила на низкий табурет, обнажила его левую руку и принялась мерить давление.

— Ну! И чего столько паники? Все нормально. Сто двадцать пять на восемьдесят. Позавидовать можно. Вы чего, Иван Сергеевич?

— Тоня... Перепугался что-то. Сам не пойму. Сашкин телефон выключен, и я...

— И вы решили, что подстреленный два часа назад на рыночной площади молодой оперативник — это непременно он? Я вас умоляю, Иван Сергеевич. — Тоня протянула ему стакан с водой и крохотную таблетку. — Вот, выпейте. Это от нервов. И новости в следующий раз смотрите внимательнее. Фамилия погибшего оперативника не Корнеев. Сашка ведь носит эту фамилию, так?

— Да, да, он Корнеев. Александр Иванович Корнеев. Отчество сестра ему мое дала. Так мы

решили. А фамилия у нас с ней одна... Он Корнеев, Тонечка, да...

Он понял, что плачет. Щекам сделалось горячо и мокро, а Тоня неспроста протягивала ему бумажные полотенца. Корнеев прикрыл лицо ладонью. Плечи дергались. Он их чувствовал. И сердце проснулось, начав молотить в грудь и спину.

Сашка жив! Ни о чем другом он сейчас думать не мог. Сашка жив!

Через полчаса Тоня проводила его в квартиру. Повесила на вешалку куртку, поставила вдоль стены разбросанные ботинки.

— Как фамилия? — спросил он у Тони, когда она уже повернулась к нему спиной. — Как фамилия застреленного оперативника? Что там вообще произошло?

— Вчера на рынке была драка. А сегодня с обыском туда пришли и пистолет, что ли, обнаружили. Или не обнаружили, а из него стреляли, толком не поняла. — Тоня наморщила лоб и пожала плечами. — Подробностей не знаю, Иван Сергеевич. А фамилия погибшего Виноградов. Совершенно точно, я ничего не путаю. Вам ведь, кажется, знакома эта фамилия, не так ли?

ГЛАВА 3

Мать позвонила ближе к обеду и заполошным голосом сообщила:

— У Виноградовых малого пристрелили! На рынке!

— Mam, здравствуй, во-первых.

Она внимательнее глянула на себя в зеркало и выдернула из левого виска еще пару седых волосков. Вчера было три. Свободные от телефона пальцы правой руки принялись разглаживать небольшие складки под глазами. Лифтинг уже не помогал, и уколы красоты становились бесполезны. Придется ложиться под нож, а это всегда риски.

Она тяжело вздохнула.

— А, во-вторых, кто такие Виноградовы, мам?

— Ну, как же, дочка! — тихо возмутилась мать. — Виноградовых не помнишь? Или снова прикидываешься?

— Не прикидываюсь. Не помню.

Она зацепила щепотью кожу на шее, легонько, чтобы не оставить синяка, ущипнула, потом еще и еще. Спросила рассеянно:

— А почему я должна их помнить? Виноградовых каких-то!

Звонок матери застал ее за утренней ревизией красоты, от которой, по сути, мало что осталось. Каждое утро свидетельствовало о том, что предыдущим днем она была чуточку красивее и свежее, потому что на сутки моложе. И так теперь будет всегда. Послезавтра ей сорок пять.

Боже, какой ужас! Сорок пять целых лет!

В ее невеселые размышления снова вклинился недовольный голос матери.

— Что, что ты сказала?

— То и сказала! Нечего из себя корчить там... — Мать сердито попыхла. — Если живешь в Москве, думаешь, на другой планете?

— Ой, мам, не начинай, ладно?

Она поморщилась и тут же шлепнула себя по щеке. Подобные гримасы недопустимы. Вокруг рта сразу глубокие морщины и «гусиные лапки» у глаз, как борозды под посадку.

— А чего мне начинать-то, дочка! Я не начинаю. Просто... Повидаться бы. Уже сколько лет тебя не видела. — Мать отчетливо всхлипнула. — Подохну, хоронить-то хоть приедешь?

— Приеду, — соврала она. — Как же не приехать.

— А вот и не надо приезжать, — неожиданно испуганным голосом произнесла мать.

— Почему?

— Потому что... Потому что, мне кажется, он вернулся! Вернулся и начал мстить! — Мать скороговоркой произнесла четыре слова из короткой молитвы и продолжила бубнить: — И не я одна так думаю, дочка. Все так думают. Шептаться стали. Что-то прямо...

— Ма!

Она помолчала, слегка опуская веки, и сочла, что при такой ретуши выглядит еще очень ничего. В размытом изображении она по-прежнему красива.

— Ма, хватит выдумывать. И стонать прекрати. Говори толком: кто вернулся, за что мстит.

— Валера вернулся! — бабахнула мать громко, словно в пустой комнате. Даже эхо прокатилось.

Может, мать в дурке давно, вдруг подумала она. А они с мужем пропустили эту новость

из-за вечной своей занятости. Сидит себе в пустой палате и шалит. Раздобыла где-то телефон, может, даже украла — она могла. Раньше за ней водились подобные шалости. Сидит теперь на больничной койке в психлечебнице и сочиняет небылицы, чтобы ее попугать, жизнь окончательно испортить.

— Ма, а ты сейчас где? — поинтересовалась она.

— В спортзале, где же еще! — фыркнула мать.

Она чуть не расхохоталась. Ну вот! И что тут можно добавить?

— В каком спортзале, мама?

Она отвлеклась на родинку под левой ключицей. Кажется или она стала чуть крупнее и выпуклее? Надо бы доктору показаться.

— В школьном спортзале, дочка. В школьном. Я уже два года уборщицей в школе работаю. Я же говорила тебе. Забыла? — Голос матери стал обиженным.

Она вдруг вспомнила: действительно мать что-то такое рассказывала. Про школу. Про работу. Про нехватку денег на пенсии. И если она сейчас не в психушке, а в школьном спортзале полы моет, то значит...

— Это что, все правда, мам?

Она отступила от зеркала и на одеревеневших ногах пошла к дивану. Упала в мягкие подушки, прикрыла глаза. В висках неожиданно застучало.

— Что все, дочка?

— Про убийство Виноградова? Про то, что народ треплет, будто Валера вернулся и

мстит? — Забытое имя еле соскользнуло с языка, так сложно было его произносить. До сих пор сложно.

— Здраассте! — протянула мать с обидой. — Ты пьяная там с утра, что ли?!

— Не пью давно, мам. — Ее взгляд прошелся по полкам с бутылками за стеклом высокого шкафа. — И тебе не советую. Лишние морщины появляются.

— Мне замуж не выходить. И с морщинами проживу как-нибудь. А вот как ты теперь станешь жить?

— Так же, как и все эти двадцать пять лет, мам. Счастливо!

— Ну, ну...

— Так что там с Виноградовыми? Что у них стряслось?

— То и случилось... Внука Васиного на рынке подстрелили.

— Василий Виноградов, это тот, о ком я думаю? — Она задала свой вопрос очень серьезно, со значением.

И мать поняла.

— Тот самый, о ком ты думаешь.

— И как погиб его внук?

Ей было неинтересно, но знать она обязана. Ей потом придется делиться этой информацией с мужем. Если не расскажет или что-то неправильно поймет, у нее могут быть проблемы.

У них могут быть проблемы!

— За день до этого там случилась какая-то драка. Толком не знаю, врать не буду, — затара-

торила мать. — Хулиганов забрали, потому что один из них пистолетом размахивал. Как потом оказалось, пистолет был игрушечный.

— Обалдеть, народ развлекается! — рассмеялась она.

— Слушай дальше... Их забрали и отпустили. А на другой день снова на рынок полиция нагрянула и принялась то место, где драка была, обыскивать.

— Зачем? — Она сощурилась, хотя и знала: морщинам это только в помощь.

— Кто-то полицейским шепнул, что пистолет поначалу был настоящим. Это когда им размахивали. Потом, мол, подменили на игрушку, а настоящий припрятали в прилавке. Забрать его тот, кто размахивал, ночью не мог — рынок заперт. А утром народу полно. Полиция к десяти утра туда нагрянула и принялась все обыскивать. Продавцы бучу подняли, мол, работать второй день не дают. Вчера драка. Сегодня обыски. Какая-то суматоха, гвалт поднялся. И вдруг стрельба. Бабы рассказывают, что несколько выстрелов было. Внука Василия Виноградова подстрелили. Но вроде не его хотели-то, вот в чем весь секрет.

Мать внезапно замолчала, словно споткнулась о слово.

— А кого? — Она сразу насторожилась.

— Сашку... Сашку Корнеева вроде хотели подстрелить, а кто-то Виноградова толкнул, и он вроде как его собой закрыл. Так болтают.

Мать шумно дышала в трубку.

— А что Сашка Корнеев делал в тот момент на рынке? Он за покупками пришел? Или торгует чем?

— Мент он, дочка. Мент. Как с армии пришел, так сразу пошел в полицию устраиваться.

— Старая сволочь! — прошипела она злобно. — Сам всю жизнь там проторчал и парня по своим стопам направил!

— А кто же его еще направит, как не старая сволочь? — хмыкнула мать. — У него же больше никого нет...

— Заткнись, — перебила она, подумала и спросила: — У тебя все?

Наверняка информации больше нет. А слушать то, что бабы говорят, она была не намерена.

— У меня-то все, а у тебя? — проговорила мать с укором. — Ничего еще не хочешь узнать?

— Хочу.

— Спрашивай тогда.

— Кто размахивал игрушечным пистолетом?

— Федоров. Старший Федоров. Старый пень, а все туда же. Ему уж под шестьдесят, а...

— С кем он дрался?

— Ой, вот не скажу. — Мать даже расстроилась. — Но обыск начали с его прилавка. Он овощами торгует.

— И выстрелил он?

— А вот и нет, что главное-то, — оживилась мать. — Будто кто-то из толпы стрелял. И все хором говорят, что Валерку видели. Узнали, мол, его.

— Ма, не мели чепухи. Хоть ты-то не мели, хорошо! — взорвалась она, соскочила с дива-

на и принялась метаться по огромной комнате, полной бесполезной дорогой мебели. — Если это был Валерка, то зачем ему стрелять в Корнеева?! Сама посуди!

— Ну да, ну да...

— Нет, мать. Если это был он, то совершенно точно стрелял в Виноградова, внука Василия Николаевича. Ему он мстил, если что. Но я не верю... Не верю, что это он! Двадцать пять лет прошло. Где он был все это время?..

Муж вернулся почти в полночь, она трижды засыпала и просыпалась, дожидаясь его в гостиной. Он не ожидал, что она там. Вошел, сразу включил верхний свет и шагнул к огромному шкафу, забитому алкоголем.

— Бухать собрался? — спросила она, поднимаясь из подушек. — Чего так поздно?

— Дела.

Он даже не обернулся. Стоя к ней спиной, достал начатую бутылку виски и налил себе половину стакана.

Она с ненавистью его рассматривала. Годы ничего гадкого с ним не сотворили. Такой же худощавый, мускулистый, широкоплечий. Седина, с которой она день за днем боролась, ему даже шла. Подправленные хирургом скулы и разрез глаз сделали его настоящим красавчиком. Девки висели на нем гроздьями. Но, к чести его, надо сказать, он никогда не заходил дальше позволенного. Только секс. Никаких обязательств.

— Жена у меня только одна. Ты, — утешал он ее как-то после очередного бурного выяснения отношений. — И никогда другой не будет...

— Как зовут твои «дела» сегодня? Таня, Маня, Анжела?

Она не хотела, зарекалась, но вырвалось само собой. Слишком хорош он был сейчас. Слишком желанен. Но тащить его в постель после очередной шлюхи она не станет. Противно. А он точно был с бабой. Она знала его как никто. Эта расслабленная мягкость в движениях. Ленивый взгляд. Потребность глотнуть виски.

Секс. У ее мужа точно только что был секс. Может, прямо в машине.

— Малыш, мы договаривались, — ответил он спокойно и сделал глоток. — Если ты только по этой причине не спишь, зря.

— Не по этой. Мне звонила мать.

Она села на диване, похвалив себя за то, что в шелковом спальном гарнитуре сейчас, а не в хлопковой пижаме. И ее длинные волосы, все еще шикарные и блестящие, спутались так, как надо. Ему всегда это нравилось.

— И что хотела мать? — Он присел рядом, пристальным и оценивающим взглядом прошелся по ее фигуре. — Ты хороша, малышка. Ты знаешь, что все еще невероятно хороша.

— Подожди, Дима... — Она поймала его руку на своем колене и пресекла все попытки залезть под подол. — Все очень серьезно... В нашем с тобой родном городе начали происходить странные и страшные вещи. Ты не в курсе?

— Нет. Давно там не был. Более двадцати лет. Точнее — двадцать пять. А что там не так? — Он откинулся на подушки, сделал еще глоток и лениво прикрыл глаза. — Рассказывай, рассказывай, я весь внимание, малыш.

И она начала пересказывать ему разговор с матерью во всех подробностях. Не исключила даже то, что она заподозрила мать в слабоумии.

— Это все, — произнесла она и замолчала.

— Н-да...

Он рывком поднялся с дивана, снова подошел к шкафу и налил себе еще. Понаблюдал, как колыхнется поверхность янтарной жидкости, и выпил все до дна. стакан с грохотом поставил на стеклянную полку, закрыл дверцы. Минуту молчал и вдруг повернулся к ней со словами:

— Ты же не думаешь, что все это правда?

— Думай не думай, Дим, а люди все видели. И стрельбу, и то, как Федоров стволом размахивал, и как кто-то толкнул Виноградова, и тот схлопотал пулю, вместо...

— Я не об этом, милая, — перебил ее Дима. Он медленно подошел, дернул за руку, поднимая с дивана, и прошептал, глядя ей в глаза странным отсутствующим взглядом: — Ты же не думаешь, что он на самом деле жив?

ГЛАВА 4

— Это будет твой первый допрос, стажер, — предупредительно поднял указательный палец начальник оперативно-разыскного отдела и тут

же ткнул им в его сторону: — Смотри, не налажай!

— Так точно, товарищ майор. — Саша нервно двинул по столу бланки протоколов допроса. — А вы будете присутствовать?

— Так точно, стажер, — хмыкнул майор Исаков. — Неужели ты мог подумать, что я оставлю тебя на растерзание такой акуле, как Коля Федоров?

— А кто он вообще такой? — Саша Корнеев сцепил пальцы на затылке и напряжинил мышцы шеи. — Когда их привезли в отдел после драки, он очень вежливо себя вел, не наглел. Не то что его оппонент.

— А кто был его противником? Никто! Рвань уличная. Тому терять нечего. Ему на нарах даже лучше, чем у костра на развалинах. Бомж он. А Коля... Коля, это фигура. Авторитет.

— И чем же он такой авторитетный? Фруктами и овощами торгует. Место, да, у него лучшее на рынке. А так...

— А теперь молчи и слушай, стажер. Странно, что тебя дед не просветил.

Исаков выбрался из-за стола, взял что-то из ящика и подошел к большой магнитной доске, на тот момент пустой. Но майор тут же принялся развешивать на ней фотографии, прищипливая их круглыми разноцветными магнитами.

— Николай Федоров, тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения. Родился и вырос в нашем городе. Женат. Детей нет. Сейчас ведет тихую жизнь законопослушного

гражданина. Торгует потихоньку овощами на рынке. Рыбачит. Ездит с женой за грибами и по ягоды. — Исхаков держал кончик авторучки на центральной фотографии еще довольно молодого Федорова — без глубоких залысин и морщин. — Но так было не всегда, стажер... В тысяча девятьсот семьдесят девятом году Федоров был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Через два года должен был демобилизоваться и вернуться домой, но он не вернулся. Остался, по сведениям, в армии и пробыл в ней до девяносто второго года. Вернулся заматеревшим, тертым и сразу принялся сколачивать в городе бригаду.

— Бригаду? — не понял Саша.

— ОПГ — организованная преступная группировка на языке правоохранителей. Бригада в простонародье. Федоров Николай Иванович, он же Николая — ударение на последней букве. Он же Микола, он же Маклай. От Миклухо-Маклая фамилию оторвали умники. Кличка Маклай ему, по слухам, особенно нравилась. Женский пол укладывался штабелями, когда он отирался поблизости. Кожаная куртка косуха. Джинсы-«варенки». Белые кроссовки. Машина крутая. Пистолет не всегда прятал. Он так и болтался у него в кобуре под мышкой.

— А полиция?

— Милиция в то время, стажер. А что милиция? — Исхаков пожал плечами. — Ты у деда своего спроси, сколько раз он пытался Федорова закрыть. Он тебе ответит: много

раз, но безрезультатно. Прямых улик и доказательств его вины в кровавых разборках, угонах, разбоях и заказных убийствах не было. Никто из задержанных, а их было немало, ни разу не показал на Маклая пальцем. Никто. Никогда. Вот и дожил он до седых волос, ни разу не отсидев срока. А ему точно пожизненное вклеили бы.

— Ничего себе. — Саша обеспокоенно глянул на дверь, в которую вот-вот должен был войти Федоров. — И что случилось теперь? Жил себе тихо спокойно, и вдруг...

— Ничего не «вдруг», стажер.

Исхаков глянул на часы, сообразил, что подошло назначенное Федорову время, и быстро снял со стенда все фотографии. Всего их было пять: портрет его самого и еще четверых незнакомых Корнееву личностей.

— Все потом, Александр. Все потом. Не нужно, чтобы Федоров видел это. Пусть считает, что мы ни о чем таком не догадываемся.

Майор вернулся за стол, швырнул снимки в верхний ящик, и через мгновение дверь открылась. Вошел Федоров.

Если бы Саша случайно встретил этого человека на улице или встал за ним в очередь в магазине, он бы никогда не подумал, что это бывший главарь банды.

Открытый взгляд, высокий лоб, приветливая улыбка. Никакой суетливости в движениях, напряженности или страха. Нормальная походка. Приятные манеры.

Он вдруг почувствовал, что ведется на обаяние, волнами исходившее от вошедшего мужчины, и решил играть.

— Присаживайтесь, Николай Иванович. — Саша указал на стул возле своего стола.

— Здесь? Не в допросной? Не за стеклом? — неожиданно хмыкнул Федоров, покосившись на Исхакова.

— У нас не допрос. Беседа. Необходимо кое-что уточнить.

— Под протокол? — выгнул брови дугой Федоров.

— Если сочтем важными ваши показания, то да — запротоколируем. — Саша осторожно улыбнулся. — У вас на рынке что ни день, то побоище. Коллегу вот моего подстрелили. Хорошо, что жив остался. А то...

— Жив?! Васькин внук жив?! — неожиданно заволновался Федоров, вытер ладонью вспотевший лоб и выдохнул. — Уфф, слава богу! А то болтали по городу: застрелили, застрелили!

— А что же, Коля, ты сам не узнал у дружка своего, Васи Виноградова, жив его внук или нет? — вставил Исхаков, медленно перебирая пальцами по клавиатуре. — Не общаетесь, что ли?

— И не общаемся. — Федоров скосил взгляд на майора. — Да и кто же о таких вещах спрашивает? Позвоню и спрошу: Вася, жив внук-то, нет? И если честно, у меня даже номера его нет.

Он снова сел прямо и внимательно уставился на Сашу. Корнееву даже показалось, что Федо-

ров его как будто с кем-то сравнивает, так странно тот смотрел.

— Так что скажете по существу данного вопроса, Николай Иванович? Что за беспорядки? Сначала ваша странная драка с бездомным. Как там его?..

Саша перевернул страницу и сделал вид, что читает, хотя отлично помнил, с кем подрался Федоров.

Гражданина без определенного места жительства звали Виталий Сергеевич Солдатов. Лет ему было столько же, сколько и Федорову. Наверняка знали друг друга с детства, в школу одну ходили и на танцы.

— Солдатов, — подсказал Федоров. — Виталька Солдатов. Окончательно свихнулся. Живет в развалинах. Жрет на свалке. А квартира стоит запертая.

— У него есть квартира? — изумленно воскликнул Саша.

— Есть. В том-то и дело, что есть хата. Не хочешь в ней жить, не живи. Сдай. Хоть какой-то прикорм, так ведь? — Федоров дождался согласного кивка стажера и продолжил: — А он хату запер и воровать подался.

— Воровать?

— Ну да. Драка-то из-за чего началась? Он у меня с прилавка ананас спер! Ладно бы огурец или пару картофелин. Я бы еще понял и шума не поднял: жрать захотел и все такое. А он ананас уволок и пошел, нагло так: посвистывает, даже фрукт не спрятал. Я ему — стоять. А он мне: да

пошел ты. Слово за слово... Понимаете? — Федоров честно и проникновенно заглянул Саше в глаза. — Я и драться-то не хотел, просто напугать его. Стой, говорю, стрелять буду, и игрушку достал. Всегда ношу с собой...

— По привычке, Маклай? — ядовито поинтересовался Исаков.

Федоров, запнувшись, обернулся на майора и глянул тем самым взглядом, который сразу просигналил об опасности. Недолго он так смотрел — секунду-другую, — но Саша уловил и тут же поверил во все рассказы Исакова.

Да, перед ним не мирный пенсионер, торгующий огурцами и апельсинами. Это матерый преступник, вовремя ушедший на покой... или в подполье.

— Молодежь нынче наглая, — медленно протянул Федоров, не сводя взгляда с Исакова, — ничего не знают и не слышали об авторитетах.

— И о понятиях, да? — ухмыльнулся майор. — Чтобы их попугать, ты игрушку в кармане штанов таскаешь? Не убедил ты меня, Маклай. Что произошло между тобой и Солдатовым? Что он хотел от тебя? Денег? За что? За молчание?

— Не знаю, — глухим голосом ответил Федоров и устался в угол кабинета, не мигая. — У него спроси.

— И спрошу, Коля. Спрошу непременно. Только, думаю, не сдаст он тебя. Как не сдал, когда сел за тебя по статье за угоны транспортных средств. Он же для тебя машины угонял, Коля.

— А вот и нет! — вдруг оживился Федоров, вскакивая со стула. — К их угонам я отношения не имею. Это тебе, начальник, с дружками папаши его надо базарить. Их тема была, не моя. Я туда не совался.

Он мотнул подбородком в сторону Саши Корнеева, и тот остолбенел.

Какие дружки? Какого папаши? Бабушка всегда говорила, что его отец был геологом и сгинул в горах, когда лавина сошла. Вместе с матерью.

— Не понял. — Саша тоже встал и уставился на Федорова. — Какого папаши?

— Твоего, молодой. Твоего!

— И кто же мой папаша, по-вашему? — Язык у него еле ворочался, а в висках давило так, что глаза, кажется, вот-вот лопнут.

— Не по-моему, молодой. А по генам. — Федоров, было видно, очень обрадовался, переключив внимание на него. — Валера Хлопов был твоим папашей. А мать — Лиза Усова. Что, дед тебе другую легенду заготовил? Чистенькую? Где нет матери-шлюхи и отца-угонца?

Сашин кулак просвистел в сантиметре от его лица. Федоров резко отпрянул — успел, навыки опасной жизни еще не растерял. Исхаков бросился между ними. Приказал Федорову ждать в коридоре, а Сашу отшвырнул к стене. Схватил за воротник, сжал, зашипел:

— Ты чего себе, стажер, позволяешь?! Хочешь вылететь, не дождавшись конца испытательного срока?! Идиот! Первый допрашивает-

мый тобою бандит тебя сделал. Нашел слабое место и сделал на раз. А у нас нет слабых мест, Саша! Нет, и не может быть! Ты опер, понял!

Исхаков убрал руки с его воротника, одернул рубашку и толкнул к стулу. Саша послушно сел. Потом поднял на майора глаза обиженного ребенка и спросил еле слышно:

— Как так? Они все: и дед, и бабушка... Они говорили мне... Получается, врал?! Всю жизнь врал?!

— Жизни твоей четвертак всего, — фыркнул майор, уперся кулаками в край его стола, склонился почти к его лицу и зашипел: — А что они должны были тебе сказать? Мать твоя непутевая после того, как отец твой сгинул, в роддоме тебя оставила? Это тебе должны были сказать?

— Сгинул? Как сгинул?

— Почти как под лавиной, стажер. Поиски результатов не дали. Дед твой дело вел, но так ничего и не добился. Сгинул Валерка, словно и не было его никогда.

— А дело... Оно в архиве?

— Вроде да. Очередной «глухарь». Хочешь взглянуть? Могу запрос сделать.

— Да. Хочу. — Саша встал и направился к выходу. — Товарищ майор, с вашего позволения я допрошу Солдатова? А с Федоровым как быть?

— Я сам с ним разберусь, — кивнул Исхаков. — И ты прав, с допросом Солдатова тянуть нельзя. Если там что-то завозилось, они его уберут...

Она сидела за столом в кухне перед коробкой с тортом. Коробка была закрыта, она даже ленточку с нее еще не срезала. Любовалась затейливым бантом, стараясь не смотреть на состав и количество калорий в ста граммах продукта. Что толку их считать? Без этикетки ясно: калорий до хрена, и жрать торт ей строго противопоказано. Её лишний вес за последние пять лет стал очень даже заметным. В отчаянной борьбе с ним она постоянно проигрывала. Малодушие, хороший аппетит, одиночество, скука — это были ее главные противники в борьбе. И еще работа дома, да.

Когда ей приходилось по утрам вскакивать по будильнику, бежать в ванную, убирать постель, потом одеваться, быстро краситься, делать прическу, она не всегда успевала чашку кофе выпить. О каком завтраке речь!

А на «удаленке» что? Благодать! Встать с постели можно на два часа позже. Прическу делать, краситься, наряжаться совсем не обязательно. Ее босс от видеоконференций среди недели отказался сразу. Раз в неделю по пятницам после обеда, и все. Поэтому и работала она с понедельника по четверг в пижаме. И волосы, длинные, густые, небрежно скалывала на макушке, позабыв, что такое локоны. Лицо она лишь умывала, не подкрашивая. И в пятницу, стыдно признаться, надевала блузку, а штаны оставляла пижамные!

Из дома она выбиралась лишь в выходные, и то за тем, чтобы закупить продуктов на неделю. Часа два она таскалась с тележкой между прилавками, делая пометки в длинном списке. Закупив все по списку, она ехала домой, все выгружала и садилась к телевизору.

Она почти перестала видеться с друзьями. Их и осталось-то всего ничего: трое. Все бывшие одноклассники: Коля, Вася и Светка. Коля с Васей постоянно были в каких-то командировках. Когда возвращались, семьи рвали их на части и им было не до нее. А Светка ей опротивела еще пару лет назад, когда взялась критиковать ее жизнь.

— На кого ты похожа, Алла?! Ты же жирная! Прекрати поглощать калории в таком количестве! И двигайся уже!

— Куда? Я дома работаю, — пыталась она протестовать.

— И что? Я тоже дома работаю уже десять лет. И посмотри на меня!

Светка гладила свой плоский живот. Трогала крошечную попку. Вытягивала тощие ноги. Демонстрировала отсутствие двойного подбородка.

— И как тебе это удается?

Она была просто обязана задать этот вопрос, хотя ответ давно знала. Светка сидела на мощной диете. Не вылезала вечерами из спортзала. В выходные совершала какие-то многокилометровые прогулки. И да, почти ничего не ела. А диетического чуть-чуть.

Алла так не могла. Она любила готовить, любила поесть и ничего не могла с этим поделать,

хотя и понимала, что гибнет. Лишние килограммы вдруг принялись поедать ее здоровье. Начала болеть спина, ноги. Появилась одышка. Уровень глюкозы в крови придвинулся к пограничной отметке.

Ей срочно надо было завязывать со жраньем, и уже пару вечеров она ограничивалась одними яблоками. Их было много, четыре за вечер. Но это были яблоки, не бутерброды с колбасой и сыром.

И тут вдруг этот торт! Провокация! Вредительство! И от кого?! От Тони, соседки — молодого фельдшера со «Скорой».

— Аллочка, прими, пожалуйста, — сунула она сегодня утром коробку через дверь. — Угостили, а я не ем сладкого. Вообще! А ты, я знаю, любишь.

Тоня умчалась вниз по лестнице: тонкая, звонкая. А Алла осталась стоять в дверях со злополучной коробкой торта.

От обиды дрожали губы.

Что соседка о ней знает? Сладкое и сдобное любит — да, а еще? И откуда знает про ее любовь к выпечке? В пакеты подсматривает, когда Алла их от машины несет? В мусоре роется? Или отслеживает ее вес?

Тьфу, гадость какая.

Алла вдруг встала, схватила коробку с тортом и отнесла ее на балкон. Пусть вымерзнет там до несъедобного состояния! Превратится в пыль к весне, и тогда она выбросит его без сожаления.

Громко хлопнув балконной дверью, она вернулась за обеденный стол и неожиданно затихла.

За стеной начиналось самое настоящее представление. Дед скандалил с внуком. Громко! С надрывом! Такого никогда прежде не случилось. Ей, чтобы узнать, как они там вдвоем живут-поживают, приходилось прикладывать ухо к большой металлической кружке, а кружку — к стене. Но сейчас она даже без кружки слышала вполне сносно.

Нет, кружку она все же взяла — ор сделался нечленораздельным. На все про все у нее ушло двадцать минут. Потом внук Ивана Сергеевича, Сашка, принялся хлопать дверцами шкафов. Надо полагать, собирал вещи. Алла прикусила нижнюю губу и какое-то время сидела не моргая.

Если Саша съедет от Ивана Сергеевича, тот погибнет. Помрет от тоски и одиночества. Он уже старый, заедать стресс не приученный. Он не сможет бороться с тоской, как она, к примеру, выпекая пирожки за коврижкой, шанежки за кулебякой. Он просто помрет. А этот дебил потом будет давиться слезами над могилой деда и просить у него прощения. Только прощения не будет. Останется тоска и чувство вины, с которым придется жить вечно.

В квартире за стеной стихло, и Алла, на ходу роняя тапки, побежала в прихожую. Двери они открыли одновременно: она и Сашка.

— Здравствуйте, — буркнул он, пряча глаза под длинным козырьком зимней бейсболки.

— Здорово, — кивнула она, скрещивая руки перед грудью, и взглядом указала на дорожную сумку. — Далеко собрался?

— Да. За город.

— В бабкин дом? — округлила она глаза. — Умно... А Иван Сергеевич что же?

— Ничего. — Козырек бейсболки приподнялся выше, из-под него на нее глянули совершенно несчастные глаза. — Он против. Но он сам виноват. А что?

— Да так. Ничего.

Она пожалала плечами, не зная, как остановить этого засранца, заставить его не совершить глупость. Серьезную, непоправимую.

— Всего доброго, — кивнул Саша и шагнул к ступенькам.

— Погоди.

Алла сделала суровое лицо. С таким она обычно общалась в пятницу после обеда в режиме онлайн-конференции с подчиненными, если они косячили. Их пронидало.

Сашка остановился. Глянул на нее, на часы. Ах, ты же засранец! Демонстрируешь занятость?

— Я кое-что слышала. Из вашего скандала, — пояснила она в ответ на его вопросительный взгляд.

— Подслушивали? — попытался он ее смутить прищуренными глазами.

— И стараться не надо было. Вы так орали, — фыркнула Алла искренне.

— Ну, слышали и слышали. Что такого? Дед и внук немного разошлись во мнениях. — Он спустился уже на две ступеньки.

— А мое мнение на этот счет тебя не интересует?

— Нет. — Он повернулся к ней спиной.

— А зря. Мне кое-что известно о той забытой всеми истории. И даже не кое-что, а достаточно много.

Он повернулся и неожиданно передумал уходить. Подошел к ее двери и остро глянул.

— Достаточно для чего?

— Для того чтобы ты не наделал глупостей и не оставил деда одного. А Тоня на днях уже его спасала.

— Тоня, это? — Сашка указал на дверь фельдшера «Скорой». — Она?

— Так точно.

— И от чего она его спасала? — Его рот все еще недоверчиво кривился.

— От сердечного приступа.

Тут Алла не соврала ни грамма. Тоня рассказала ей: Иван Сергеевич так перепугался за внука, что едва стоял на ногах.

— Да, да, все так. Не сомневайся.

— Черт!

Сашка швырнул дорожную сумку на бетонный пол лестничной клетки и нервно заходил по ней.

— Вас ведь Алла зовут? — глянул он исподлобья.

— Так точно.

— А по отчеству?

— Ох, господи! — Она закатила глаза и покосилась на свои мощные колени, обтянутые пижамными брюками. — Толстая, Александр, не значит старая. Просто Алла. И можно на «ты».

— Угу... — Он встал в центре их лестничной площадки и задумался.

— Слушай, а ты чаю хочешь? С тортом? — неожиданно нашлась она. — Вижу, хочешь. Входи. Мне нельзя, а тебе можно. На твои кости жир никогда не нарастет. Одно слово: порода.

Он дернулся, словно она его хлестнула. Потоптался и глянул так, словно видел ее впервые.

— А что вы знаете о моей породе?

— Я-то?.. — Она осмотрела его с головы до ног и покивала. — Я знаю все! Или почти все. Входи, пока я не передумала.

Он вошел, разулся. От тапочек, которые она держала в огромном количестве для гостей, отказался и пошел на кухню в носках. Осмотрел коробку с тортом, которую она вернула с балкона на стол.

— Классный торт. Я пробовал. А вы чего же? На диете?

— Пытаюсь.

Несчастливыми глазами она наблюдала за тем, как он отрезает одну шестую от бисквитного круга и кладет себе на тарелку. Прокатала в голове сразу несколько вариантов себе в оправдание: от «а что такого от одного куска случится» до «ничем уже фигуру не испортить, даже этой сладкой высококалорийной отравой». И уже тарелку себе достала и ложечку, но неожиданно встала как вкопанная.

— Правильное решение, — вдруг похвалил сосед, угадав ее настроение. — Сила воли у вас, я скажу...